

© 1996 г.

В.В. ЛАПАЕВА

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Отсчет современной истории российской многопартийности следует, видимо начинать с XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь 1988 г.), когда устами Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева был провозглашен курс на так называемый "плюрализм мнений". Далее процесс, как говорится, пошел самостоятельно и всего за несколько лет привел к формированию в стране реального политического плюрализма и многопартийности.

Осмысливая некоторые итоги этого процесса, можно в целом констатировать, что нынешняя стадия развития российской многопартийности еще весьма далека от того что называется многопартийной системой, в рамках которой различные субъекты политического действия готовы к сотрудничеству в целях достижения общественного согласия или хотя бы, как минимум, придерживаются общих конституционно правовых принципов поведения. В нашем случае, скорее, приходится говорить о несистемной множественности партий с зачастую радикально противоположными позициями при значительном влиянии среди них политических сил тоталитарной ориентации. При этом на хорошо укрепленном левом фланге политического спектра не скрывают враждебного отношения к действующей Конституции и установок на неправовые методы решения проблем¹.

Чтобы понять, были ли неизбежными именно такие результаты либерализации политического процесса, попытаемся проследить основные этапы становления многопартийности в стране.

С точки зрения современного российского менталитета, уже приспособившегося к жизни в условиях предельно сжатого исторического времени, кажется странным, что наиболее актуальная для перестроенного советского общества проблема тотальной монополии КПСС стала предметом широких общественных дискуссий лишь в самый пик гласности - в конце 80-х годов. Но и в это время отношение к ней было весьма неоднозначным. Широкомасштабный опрос населения, проведенный в преддверии II Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.)² показал, что лишь 35% опрошенных считали в тот момент необходимым исключить из Конституции положения ст. 6 о руководящей и направляющей роли КПСС; 33% придерживались мнения, что необходимо дополнительно изучить вопрос до принятия окончательного решения, а 19% выступали за сохранение данной статьи.

Причем общество оказалось здесь даже более радикальным, чем депутатский корпус: на II Съезде депутатам не удалось поставить в повестку дня вопрос о 6 статье Конституции. А по данным социологической службы Съезда, лишь 24% депутатов связывали в тот момент перспективы совершенствования политической

системы с развитием многопартийности, при этом 30% высказывались за усиление роли КПСС; большинство же (55%) устраивал более мягкий вариант решения проблемы - «разграничение функций партийных и государственных органов»³. И тем не менее уже через несколько месяцев во многом под давлением широкого демократического движения, поддерживаемого рядом влиятельных в обществе средств массовой информации, депутаты проголосовали за такое изменение Конституции, которое лишало КПСС статуса «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы» и допускало возможность участия других политических партий в выработке государственной политики, в управлении государственными и общественными делами.

Это означало легализацию тех зачатков многопартийности, которые уже с конца 1985 г. начали стихийно возникать в виде так называемых альтернативных общественных движений, народных фронтов и иных неформальных объединений. Следующей вехой на пути правового признания многопартийности стало принятие в октябре 1990 г. Закона СССР «Об общественных объединениях»⁴, определившего основные правовые параметры создания и деятельности политических партий и придавшего дополнительный импульс процессам их формирования и развития.

В это же время (а именно в период выборов 1990 г. в органы государственной власти союзных республик) на арену борьбы за власть выходят такие новые субъекты политического действия, как избирательные блоки. Несмотря на то, что в большинстве республик их деятельность не была законодательно урегулирована, этим неформальным самодеятельным объединениям граждан удалось заметным образом мобилизовать и консолидировать своих сторонников. Так, избирательному блоку «Демократическая Россия» в борьбе с коммунистами удалось, как известно, достаточно успешно выступить и на выборах народных депутатов РСФСР, и на выборах первого российского Президента.

Однако бурная политическая активность последних лет перестройки, приобретшая уже явно выраженную антикоммунистическую направленность⁵, во многом носила поверхностный характер и не была еще способна подорвать ведущие позиции КПСС, сохранившей в целом свои прежние государственно-властные полномочия⁶.

В демократической прессе, внесшей тогда заметный вклад в расшатывание всевластия компартии, было распространено представление, что КПСС сильна главным образом благодаря своему монопольному положению в системе управления социалистической собственностью и опорой на властные структуры (бюрократию, армию, КГБ, милицию и т.п.), а демократическое движение имеет широкую социальную поддержку, в основе которой - признание различными слоями населения его политико-идеологических и нравственных ориентиров. Таким образом, из известной еще по работам М. Джиласа триады «власть - собственность - идеология», составляющей опору компартии, исключалась идеология. Считалось, что это уже штампы, не имеющие отклика в общественном сознании.

Подобный подход, игнорирующий наличие у коммунистической партии устойчивой опоры в массах и недооценивающий определенную притягательность для массового сознания коммунистической идеологии и практики, доминирует в позиции демократически ориентированных СМИ и в настоящее время. За шумным и даже преувеличенным нагнетанием страстей по поводу угрозы «коммунистического реванша» зачастую лежит поверхностное представление о том, что причины успеха коммунистов на выборах и их уверенного лидирования в опросах общественного мнения последнего времени сводятся лишь к ностальгии старшего поколения и ого маргинальных слоев населения по более спокойным старым временам.

Между тем, КПСС, возникшая как партия пролетариата, а затем претендовавшая на роль партии всего народа, по сути дела и сейчас остается выразителем интересов прежде всего тех довольно широких слоев нашего общества, которые представлены работниками неквалифицированного труда (кого до сих пор обозначают идеологизированным термином «люди труда»). Ее деятельность всегда была направлена на

поддержание таких социальных гарантий для этих слоев населения, как обеспечение практически полной занятости, небольшие, но устойчивые доходы, уверенность в завтрашнем дне и спокойствие при отсутствии конкуренции, получение минимума пусть некачественных, но бесплатных социальных благ и т.п.⁷ Конечно, если бы удалось в ходе рыночных преобразований сохранить достигнутый при социализме уровень социальной политики, то серьезной угрозы для продолжения реформ, скорее всего, и не возникло бы.

Кстати, на первых этапах преобразований очень многие сторонники реформ всерьез рассчитывали именно на такой «мягкий» вариант развития, выбирая лишь (в зависимости от своих политических пристрастий) между демократическим социализмом «с человеческим лицом» и так называемым «шведским социализмом». Подобные настроения преобладали не только среди политиков самой разной ориентации, но и среди широких слоев населения. Сошлюсь, в частности, на одну из статей того периода с характерным названием «Народ руководствуется здравым смыслом», в которой изложены результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в 1991 г.⁸ Носителями здравого смысла здесь, очевидно, считались те 56% опрошенных, которые хотели бы построить общество по типу «шведского социализма», соединяющего, по мнению и авторов статьи, и респондентов, лучшие черты социализма и капитализма. То обстоятельство, что народ хочет только хорошего - и всех известных ему понаслышке достоинств капитализма, и присущих социализму гарантий хотя и минимальной, но стабильной социальной защищенности – вполне естественно для обыденного сознания. Можно, конечно, отчасти согласиться с характеристикой подобного менталитета как проявления здравого смысла (хотя, как тут не вспомнить, что более здравый смысл уже отреагировал на эту идею фразой: «А где взять столько шведов?»). Однако, если исходить не только из здравого смысла, но и из имеющихся научных представлений о проблеме, то надо признать, что шведский, австрийский и т.п. «социализм» - это результат долгого и трудного пути от жесткого периода первоначального накопления капитала, через столетия классовой борьбы и напряженного труда к обществу, социальные низы которого сумели отвоевать у собственников гарантии материального благополучия. Надо сказать, что российское население со свойственной ему практической сметкой очень быстро избавилось от подобных иллюзий (в отличие от многих политических деятелей, продолжающих и сейчас эксплуатировать социал-демократическую идею). Показательно, что политические образования центристского типа потерпели поражение и на первых, и особенно, на вторых выборах в Государственную Думу по партийным спискам. То обстоятельство, что на выборах 1995 г. партия социал-демократов набрала всего 0,13% голосов (меньше, чем такое экзотическое избирательное объединение, как Росжилкоммунсоюз) говорит о полной нестыковке социал-демократической идеи с современными российскими реалиями. По мере того, как становилось ясно, что нынешняя Россия не в состоянии проводить социал-демократическую политику, которая позволила бы обеспеченной части общества «откупиться» от социальных низов, коммунисты начали постепенно возвращать под свои знамена те слои населения, которые всегда составляли их главную социальную опору.

Однако наличие у коммунистического движения устойчивой социальной базы среди определенной части общества - это еще далеко не все. Неверно думать, что потенциальная сфера распространения и поддержки коммунистической идеи ограничена лишь той группой населения, которую относят к социальным низам. Если и дальше формирование нового класса собственников пойдет таким образом, что подавляющая часть граждан будет оказываться несобственниками, коммунистическая идеология, которая по сути своей всегда была идеологией несобственников, получит второе дыхание. И дело здесь даже не во вполне естественном недовольстве людей своим социальным статусом и материальным положением: есть все основания полагать, что наиболее болезненной точкой социального самочувствия является в

настоящее время ущемленное чувство справедливости. Как свидетельствует исследование Российского независимого института социальных и национальных проблем, доминантами психоэмоционального состояния россиян в конце 1995 г. были чувство стыда и ощущение несправедливости всего происходящего⁹. Причем эта проблема не только чувствуется россиянами, но и вполне четко осознается ими. Так, по данным исследования, проведенного ИСПИ РАН в начале 1995 г., респонденты, отвечая на вопрос об идеях, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России, на первое место поставили идею справедливости (44%), далее следовали права человека - 37% и порядок - 36% и т.д. Любопытно, что на такую, казалось бы, бесспорную ценность, как мир, указали лишь 33% опрошенных, что, по-видимому, означает: 11% населения готовы поступиться миром ради справедливости¹⁰.

В последние годы среди политических лидеров правого (прокапиталистического) крыла и в демократических средствах массовой информации говорить о социальной справедливости явно считается дурным тоном. Если речь об этом и заходит, то главным образом в пренебрежительно-негативном контексте. Дело доходит до того, что с демократических позиций обвиняют современных политиков в том, что «они провоцируют самое худшее в человеке, используя недавние предрассудки, и прикрываются вечной кровавой идеей справедливости». При этом утверждается, что «поколение политиков, для которых главная идея и сила - уходящее»¹¹. Ясно, что такую бездуховную, безыдейную и безнравственную позицию не примет никакое общество, а уж тем более российское, с его традиционными исканиями правды и справедливости.

Здесь не место заниматься обоснованием внутренней связи таких социальных феноменов, как справедливость, свобода, правовое (т.е. формальное) равенство. Сошлюсь просто на авторитетных в этом вопросе авторов¹². Но нельзя не сказать, что потребность людей в справедливости также естественна, как потребность в свободе и в нормальных, упорядоченных взаимоотношениях в рамках социума. В основе любого общественного устройства лежит та или иная идея справедливости, разделяемая большинством населения. Она составляет нравственный стержень общества, опору его ценностно-нормативной системы и правопорядка, фундамент, на котором строится общественное согласие. В обществе же, которое подобно российскому, расколото на противоборствующие группировки, именно различные представления о социальной справедливости определяют в конечном итоге основной вектор дифференциации политических ориентаций населения.

Левые политические силы в полную мощь эксплуатируют в своей идеологической работе приверженность российского массового сознания идеям социальной справедливости. Все чаще в последнее время используют в своей риторике слово «справедливость» президентско-правительственные круги, сводя при этом справедливость к более приемлемой для населения социальной политике. Что же касается демократов (причем не только радикальных, но и умеренных), то у них нет своей концепции, которую они могли бы противопоставить коммунистической трактовке справедливости как распределительного (фактического) равенства. Общие разговоры в духе Ф. Хайека и Л. Фридмана о переходе от социалистической концепции равенства результатов к либеральной концепции равенства возможностей применительно к нашей ситуации звучат абстрактно, они не улавливают сути дела и не затрагивают нерва основного социального напряжения. Ведь для людей важно именно конкретное наполнение принципа равенства возможностей в условиях смены форм собственности и перехода собственности из одних рук в другие. За всей пестротой и многослойностью современной социально-политической жизни России лежит такой фундаментальный ментальный фактор, как формирование новых отношений собственности на основе того или иного принципа разгосударствления прежней социалистической собственности. И реформаторы должны своими реальными делами продемонстрировать приверженность справедливому решению этой ключевой для нашего общества проблемы.

Основная идеологическая задача, вставшая в период завершения перестройки, заключалась в том, чтобы понять, какое наполнение идеи социальной справедливости в современных условиях в наибольшей мере отвечает ожиданиям общества с социалистическим прошлым. Думается, что левые, продолжающие настаивать на прежней, советско-коммунистической трактовке справедливости как фактического равенства, вряд ли смогут собрать под свои знамена большинство населения. Слишком велико недовольство людей уравнилельной интерпретацией идеи справедливости коммунистами и тоталитарной практикой уравниловки. Показательно, что по данным того же исследования ИСПИ РАН, лишь 10% опрошенных считали, что реализация идеи равенства могла бы способствовать возрождению России¹³. К аналогичным выводам пришли и специалисты Российского независимого института социальных проблем: по их данным на конец 1995 г., модель общества равных возможностей набирала в среднем по России в три раза больше сторонников, чем модель равенства доходов¹⁴. Однако, с другой стороны, очевидно, и то, что и правые, не предпринявшие сколько-нибудь серьезной попытки увязать идеологию рыночных реформ с собственной версией идеи социальной справедливости, не получают в нашем обществе весомого перевеса.

Сложившееся сейчас неустойчивое равновесие на идеологическом фронте во многом держится на отсутствии у основных противоборствующих сторон идеи, способной объединить расколотое общество, воодушевить его и примирить с неизбежными трудностями переходного периода. В условиях такого идеологического вакуума был неизбежен выход на авансцену националистически ориентированных политических группировок, стремящихся увести массовое сознание от нерешаемой пока проблемы в другую сторону. Однако политикам этой ориентации вряд ли удастся добиться в России хотя бы временного успеха. Логика политической жизни заставит искать решение проблем именно в точке основного социального напряжения и политико-идеологического противостояния. И та из сторон здесь, которая сумеет нащупать реальную опору в ценностно-нормативной структуре массового сознания и подчинить свою идеологическую доктрину и практику своей деятельности идее социальной справедливости, отвечающей общественным ожиданиям, та и окажется в итоге победителем. А до тех пор неизбежно затяжное, изматывающее общество, перетягивание каната с временным, неустойчивым перевесом каждой из сторон.

В подобных условиях (а судя по всему, и после президентских выборов, независимо от их результатов, нам предстоит еще долго жить в ситуации такой опасной неопределенности) очень важно удержать общество в границах гражданского мира. Именно этой главной задаче и должна быть подчинена стратегия развития политической системы, в том числе и процессов формирования многопартийности. Поэтому любые шаги, предпринятые властью в данной сфере, следует прежде всего оценивать с точки зрения того, вносят ли они позитивный вклад в выработку основы для достижения общественного согласия или, напротив, ведут к усилению радикализации массового сознания и поляризации общества.

В период, когда маховик исторических событий в России только начинал еще раскручиваться, шансы демократического движения на заметный успех в его противоборстве с КПСС казались небольшими. Коммунисты явно неплохо подготовились к переменам. В то время, как одна часть партии с неожиданной для общества предприимчивостью включилась в инициируемые ею же процессы разгосударствления социалистической собственности (сумев даже убедить определенные круги на Западе и часть отечественной демократической общественности, что преобразование собственности в СССР возможно лишь путем номенклатурной приватизации), другая ее часть заняла позицию критики всякой приватизации и готовилась к тому, чтобы, используя неизбежное недовольство широких масс несправедливостями приватизации, вновь выступить в роли защитника обездоленных и создать мощную социальную базу для возрождения коммунистического движения. Несмотря на то, что с осени 1988 г. социологи фиксировали резкое падение авторитета КПСС (по данным ВЦИОМ за

1990 г., полное доверие КПСС выразили лишь 6% граждан¹⁵), реальные и потенциальные позиции компартии представлялись все еще очень прочными, вплоть до августовского путча 1991 г.

Далее события пошли по нарастающей. Серией указов Президента Российской Федерации деятельность КП РСФСР была приостановлена, а ее имущество взято под контроль Советами народных депутатов. Вскоре после этого М.С. Горбачев сложил с себя полномочия Генерального Секретаря ЦК КПСС и призвал ЦК принять решение о самороспуске. Завершающую точку на том этапе поставил Указ Президента РСФСР от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР»¹⁶, предписывающий прекращение деятельности и роспуск организационных структур КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР. Последовавший в декабре 1991 г. распад СССР и образование независимого государства - Российской Федерации - еще более упрочило положение антикоммунистических сил в российском политическом спектре и во властных структурах.

Однако в массовом сознании поражение компартии было в тот период отнюдь не столь очевидным. И хотя, по данным ИСПИ РАН, более половины населения полностью согласилось с решениями о приостановлении деятельности КПСС и считало, что эта партия не должна возобновлять свою деятельность, 28% респондентов, напротив, были убеждены, что компартия должна возродиться, а почти половина опрошенных коммунистов (46%) были готовы возобновить свое членство в партии¹⁷. При этом только каждый четвертый респондент был уверен в том, что после запрета КПСС страна пойдет по пути демократического развития, и одновременно столько же полагало, что в этом случае страну ожидает диктатура новой власти. Показательно, что половина опрошенных не смогла определенно высказаться по данному вопросу. Таким образом, в обществе, в отличие от высших эшелонов власти, явно не было эйфории победы. Оно, по мнению наблюдателей, «раскололось и затаилось»¹⁸.

После крушения КПСС процесс становления многопартийности в России вступил в качественно новую стадию. Если раньше политическая активность партий и движений самой разной ориентации была по преимуществу направлена против КПСС и отождествлявшегося с ней союзного центра, то теперь они были вынуждены искать новую основу для самовыражения и самоидентификации (это прежде всего касалось демократического движения, которое по сути дела всегда было лишь объединением «против», а не «за»). При этом обнажились неоднородность демократического движения, отсутствие в нем единства по поводу целей и средств преобразований. Что же касается левых сил, то они очень быстро оправились от удара и начали постепенно отвоевывать утраченные рубежи.

Решающую роль при этом сыграло начало в 1992 г. шоковых реформ с характерными для них процессами стремительного социального расслоения и обнищания широких масс. Заметный вклад в процесс укрепления позиций коммунистов внесли принятые 30 ноября 1992 г. решения Конституционного Суда РФ по делу проверки конституционности ряда указов Президента, касающихся компартии¹⁹. Российским коммунистам удалось сохранить не только часть своего имущества, но, что, пожалуй, более важно, и свои территориальные партийные ячейки. Во многом именно благодаря удержанию коммунистами хорошо налаженной за годы советской власти разветвленной системы территориальных партийных звеньев мы имеем сейчас ситуацию, при которой более половины массового низового актива российских политических объединений ориентировано на левые политструктуры и главным образом - на принадлежащие КППРФ²⁰. Все это способствовало быстрой реанимации коммунистических сил и их активному включению в политическую борьбу как в качестве участников избирательной кампании 1993 г. по выборам нового высшего законодательного органа, так и под знаменами крайней оппозиции, бойкотировавшей эти выборы.

К концу 1993 г. в сложной палитре политических ориентаций российского населения уже четко выделяются три основных центра политико-идеологического

притяжения, вокруг которых и сегодня группируются сторонники всех сколько-нибудь заметных политических идей, течений, объединений. Их можно условно обозначить как «прокапиталистический реформизм», «просоциалистический антиреформизм» и национал-державная идеология. Именно такой расклад политических ориентаций российского общества, сохранившийся и до настоящего времени, был в целом зафиксирован уже результатами выборов в Государственную Думу 1993 г.

Правда, как свидетельствуют опросы общественного мнения, на вербальном уровне идеологические предпочтения россиян делятся не на три, а на четыре основные группы. Их расклад таков: идеологии «демократов» (сторонников рыночных реформ) придерживается 17,2%; «русских националистов» (сторонников поиска самостоятельного русского пути) - 10,5%; «коммунистов» (сторонников социализма) - 14%; «центристов» (сторонников сочетания различных идей, стремящихся избегать крайностей) - 17,2%; не определились в своей позиции 41,1% опрошенных²¹. Появившаяся здесь группа «центристов» - по сути дела неопределившаяся еще в своих идеологических установках политически активная часть населения, не приемлющая крайностей капиталистической и коммунистической ориентаций. Эта значительная (почти что пятая) часть электората в настоящее время ждет идеи, способной конкурировать с противоборствующими сейчас на политической арене идеологическими крайностями. Пока ей предлагается лишь набор из социал-демократической идеологии, идеи собственности трудовых коллективов или социализма «с человеческим лицом». Каждая из этих идеологем, сталкиваясь с реалиями постсоциалистического времени, в той или иной мере обнаруживает свою неадекватность. Поэтому когда мы переходим от уровня вербальных оценок к анализу реального поведения электората, то оказывается, что число сторонников нынешнего политического центра значительно меньше числа приверженцев центристской идеологии. Так, на выборах 1995 г. лишь около половины фиксируемых опросами сторонников идеологии центризма проголосовало за избирательные объединения и блоки центристской ориентации (причем большую часть из них составил электорат «Женщин России», который имеет свою специфику и лишь весьма условно может быть отнесен к последовательным приверженцам центризма). При этом, как известно, ни одно политическое объединение центристской ориентации не прошло в парламент по партийным спискам. Таким образом, реально мы имели и имеем дело лишь с тремя главными политико-идеологическими течениями.

Возвращаясь к рассмотрению этапов развития российской многопартийности, необходимо отметить, что следующий виток активизации деятельности партий был спровоцирован углублением конфликта между представительной и исполнительной ветвями власти. В результате драматических событий сентября - октября 1993 г., последовавших за Указом Президента Российской Федерации № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», рухнула система Советов, и страна вступила в постсоветский период своего развития.

Узловым моментом в становлении многопартийности в России стало введение в действие Указом Президента Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г., в котором устанавливалась принципиально новая для нашей страны пропорционально-мажоритарная избирательная система²². Закрепленная в Положении половинная доля пропорционального представительства в парламенте, а также ряд иных норм, обеспечивавших политическим партиям и движениям максимально благоприятные условия участия в выборах, явно не соответствовали их реальному месту и роли в обществе и в политическом процессе. Несмотря на фиксируемое опросами общественного мнения возрастание вовлеченности различных социальных слоев в «партийную» жизнь в течение всего 1993 г. (в апреле 60% респондентов не доверяли партиям и движениям или затруднились выразить кому-то из них поддержку, в июне эта группа сократилась до 54%, а в ноябре - до 43%), в преддверии выборов абсолютное большинство граждан по-прежнему не симпатизировало ни одной из политических сил²³. Таким образом, в Положении о выборах, в отличие от

всех прежних шагов по правовому регулированию формирования многопартийной системы, власть, не ограничиваясь легализацией фактически уже сложившейся или складывающейся формы общественных отношений, пошла дальше и предприняла попытку ускорить развитие многопартийности в стране.

Была ли удачной эта попытка - вопрос не простой. Отвечая на него, можно приводить много аргументов «за» и «против». Однако надо учитывать, что реальное пространство выбора решений было в тот момент весьма ограниченным. Президент и структуры исполнительной власти, взявшие на себя инициативу по организации принятия новой (по существу - постсоветской и постсоциалистической) Конституции и формирования новых органов представительной власти, остро нуждались в обеспечении приемлемой для общества легитимности предстоящих мероприятий. А это требовало привлечения всех основных политических сил к участию в избирательном процессе, предусмотрительно совмещенном с референдумом по принятию Конституции. Именно этим желанием направить в парламентское русло и удержать в конституционном пространстве основной отряд оппозиции было, по-видимому, обусловлено и решение о допуске к выборам левых сил, не занимавших крайнюю позицию в конфликте двух ветвей власти. Показательно, что в президентском указе, устанавливавшем запрет на участие в выборах ряда общественных объединений (ФНС, РКРП, «Союза офицеров», Союза «Щит», РКСМ и РНЕ), специально подчеркивалось: граждане «не лишаются возможности выразить свои интересы и политические симпатии через иные избирательные объединения аналогичной ориентации»²⁴. При всех неизбежных издержках такой политики этот курс в целом был верным, поскольку существенно снижал сферу непарламентской политической активности левых и способствовал стабилизации крайне напряженной в тот период политической обстановки.

Здесь надо отметить, что противники введения в стране пропорциональной избирательной системы, напротив, говорили о ее дестабилизирующем влиянии на общество. Мажоритарная же система рассматривалась как фактор создания благоприятных условий для формирования двухпартийной политической системы, обеспечивающей высокую степень общественно-политической стабильности. Исходя из опыта некоторых западных демократий (прежде всего США и Великобритании), ряд отечественных политиков и экспертов полагали, что необходимо стимулировать развитие российской многопартийности в сторону формирования подобной двухпартийной системы. Однако такой подход не учитывал специфику российских реалий: в наших условиях движение к двухпартийности ускорило бы процессы дестабилизации общества и его раскола.

Дело в том, что двухпартийная система является фактором поддержания стабильности лишь при условии устойчивого общественного согласия по коренным проблемам политического и социально-экономического устройства общества. В России же к концу 1993 г. общество, по данным социологов, распалось примерно на три равные части: сторонники проводимого курса реформ, противники и безразличные. Не было ни одного института власти, чья деятельность поддерживалась бы большинством граждан, ни по одному ключевому вопросу устройства страны не существовало сколько-нибудь устойчивого общественного мнения²⁵. В этой ситуации способствовать с помощью избирательного законодательства стягиванию основных политических сил в два крупных лагеря означало бы усугублять радикализацию социально-политических отношений.

Представления о том, что путем административных ухищрений можно создать некий аналог двухпартийного центра, способного сдерживать центробежные тенденции в развитии политического процесса (эти идеи, возникшие еще в недрах КПСС, недавно причудливо трансформировались в попытках создания «сверху» двух крупных право- и левоцентристских избирательных блоков, призванных, по идее их создателей, оттянуть голоса избирателей от радикально ориентированных политических группировок), не учитывают степень социального напряжения внутри

раскалывающегося российского общества. Под воздействием этого напряжения логика политической борьбы либо «разведет» такое двухполюсное центристское образование по разным мировоззренческим позициям, либо (как это произошло на выборах 1995 г., с блоком Ивана Рыбкина, сразу же «приписанным» массовым сознанием к «партии власти») обнажит искусственность декларируемых различий.

Поэтому задача состояла и состоит не в стимулировании формирования двух крупных социально-политических группировок, а напротив, в обеспечении парламентского представительства различным политическим силам, ориентированным на принципы парламентаризма и конституционализма. Только это способно снизить накал общественно-политического противостояния, ввести социальные конфликты в парламентское русло и выиграть время для выработки основы действительного общественного согласия.

Есть все основания считать, что новая избирательная система способствовала снижению темпов радикализации политических отношений и прежде всего за счет уменьшения активности внепарламентской оппозиции. В частности, участие в выборах КПРФ и последующая деятельность фракции коммунистов в Государственной Думе заметно переориентировали коммунистическую оппозицию на отработку легитимных методов борьбы за власть и придали основной структуре коммунистического движения известный социал-демократический оттенок. Коммунистам и аграриям не удалось стать главными выразителями оппозиционных настроений. Общественное недовольство канализировалось при голосовании и на целый ряд иных партий и движений - от ЛДПР до «Женщин России». Все это, безусловно, стало фактором, сдерживающим поляризацию в обществе. Хотя, конечно, общая тенденция к расколу проявилась в результатах выборов 1993 г. уже достаточно явно. Главным индикатором этой тенденции стал неожиданный для многих наблюдателей «провал» политического центра (прежде всего речь идет о поражении на выборах влиятельного «Гражданского союза», а также ряда других объединений центристской ориентации).

Итак, можно сказать, что введение избирательной системы с половинной долей пропорционального представительства в принципе отвечало главному императиву того времени - острой потребности в стабилизации общественно-политической ситуации. Другое дело, что столь экстраординарное усиление политической значимости партий и движений не было сбалансировано надлежащей правовой регламентацией всех основных аспектов их жизнедеятельности. Действовавший в тот период союзный закон об общественных объединениях, нацеленный прежде всего на стимулирование зарождающейся многопартийности, уже явно не соответствовал ситуации, при которой партии и движения получали половину мандатов в Государственной Думе, что обеспечивало им ключевые позиции в решении вопросов, касающихся их организации и жизнедеятельности. Очень скоро стало ясно, что российским политическим объединениям еще далеко до партий парламентского типа, способных подчинять свою деятельность общегосударственным началам, идее общего блага. Результатом блокировки партийных парламентских фракций на базе общности их специфических (по сути дела корпоративных) интересов явилось то обстоятельство, что страна вступила в следующую избирательную кампанию по выборам в Государственную Думу, не имея закона о политических партиях. Закон о партиях, который дополнял бы и конкретизировал требования, предъявляемые к партиям в отличие от иных общественных объединений, и, следовательно, ограничивал бы бесконтрольную во многом деятельность партий, не был нужен в преддверии выборов партиям, получившим парламентское представительство.

Кроме того, принятие закона о партиях, неизбежно ориентировавшего избирательное законодательство на признание партий основными субъектами избирательного процесса (ведь повышенные требования к партиям были бы оправданы только потому, что им предоставлялось бы если не исключительное, то преимущественное право на участие в выборах),

не отвечало интересам тех общественных движений, которые заняли в результате первых выборов влиятельные позиции в Думе и активно использовали свое положение, чтобы избавиться себя от трудной работы по партстроительству. Прежде всего это относится к движению «Женщины России», фракция которого явно не желала закрепления в законодательстве не только преимущественного права партий на участие в выборах, но даже вполне естественного, совершенно необходимого (и, кстати, присутствовавшего в Положении о выборах 1993 г.) требования о том, что основными субъектами избирательного процесса могут стать лишь объединения политического характера. И как тут не сказать, что именно такая позиция, приведшая к девальвации статуса субъекта избирательного процесса (к выборам, как известно, были допущены все общественные объединения, прошедшие несложную процедуру регистрации и зафиксировавшие в своем уставе намерение участвовать в выборах²⁶), в конечном итоге спровоцировала абсурдную множественность претендентов на власть, которые «оттянули» голоса избирателей от своих более крупных конкурентов, оставив таким образом за бортом некоторых фаворитов избирательной гонки, в том числе и «Женщин России».

Отсутствие в законодательстве сколько-нибудь серьезных требований к субъектам избирательного процесса грозило привести к дезорганизации выборов, к дальнейшей корпоративизации избирательного процесса, и соответственно - к существенным искажениям парламентского представительства общества. Все это было чревато опасной дестабилизацией социально-политической обстановки в стране.

Подготовка к избирательной кампании и ее начало вполне подтверждали худшие опасения. Политические партии и движения, несмотря на резкое усиление их позиций в результате введения новой избирательной системы, не смогли занять подобающее их природе место в избирательном процессе и взять на себя функцию посредника между зарождающимся гражданским обществом и государством. По данным опросов общественного мнения за несколько месяцев до выборов (летом 1995 г.), большинство граждан (54%) по-прежнему не испытывали доверия ни к каким партиям, движениям и течениям. При этом политические партии и движения занимали последнее место по уровню доверия среди общественных и политических структур²⁷. Таким образом, население в своих электоральных предпочтениях, как и в 1993 г., ориентировалось на политические персоны, а не на партии.

В этих условиях взаимоотношения общества и государства неизбежно приобретали все более уродливый, нецивилизованный характер. Вместо формирования гражданского общества как неполитической сферы частных интересов, в преддверии выборов наблюдалась резкая политизация всех общественных структур, усиливающая социальную нестабильность. Свои претензии на участие в формировании и осуществлении государственной власти заявили объединения, откровенно обслуживающие групповые, корпоративные интересы. Это и профсоюзы, представляющие интересы работников различных отраслей народного хозяйства, и влиятельные объединения промышленников и финансистов, и мощные отраслевые организации, имеющие статус общественных объединений, но фактически выражающие крупные корпоративные интересы министерств и ведомств, и т.д.

Особо следует отметить выход на политическую арену объединений, построенных исключительно по религиозному признаку, и целого ряда объединений на национальной основе. И хотя в декабре 1995 г. национально-религиозная карта по существу не была разыграна, тем не менее создан опасный прецедент участия в борьбе за власть объединений подобного рода. Представляется совершенно необходимым запретить участие в выборах общественным объединениям, сформированным по национально-религиозному признаку. Здесь важно иметь в виду, что к многонациональной России с ее разнообразием религиозных конфессий не применим опыт стран с мононациональным и моноконфессиональным устройством общества, которые могут позволить себе участие в политической жизни религиозно

маркированных политических партий типа христианско-демократических партии в Западной Европе. У нас всякое привнесение в политическую сферу дифференциации по религиозному признаку (опасное само по себе) неизбежно будет приобретать национальный оттенок и вести к расколу общества на славянско-христианскую и тюркско-мусульманскую составляющие.

Другим важным последствием девальвации статуса субъекта избирательного процесса явилось то обстоятельство, что на борьбу за власть устремился поток избирательных объединений и блоков, у большинства из которых политические амбиции явно не соответствовали ни их социальной природе, ни их общественной значимости. Опыт последующей избирательной кампании показал, что планка в 200 тысяч подписей в поддержку общенационального списка вполне может быть преодолена объединениями, не имеющими ни своего политического лица, ни серьезной социальной базы, но располагающими при этом достаточной финансовой поддержкой. Такой наплыв претендентов на власть (свои списки, как известно, смогли зарегистрировать 43 объединения и блока) мог дезориентировать электорат и привести к случайному, не отражающему основной расклад социальных позиций, распределению политических сил в парламенте.

Однако объективная логика процесса, а также стихийно сложившаяся политическая конъюнктура оказались таковы, что установленный законом пятипроцентный барьер смогли преодолеть объединения, выражающие устойчивые политические ориентации населения и в значительной мере маркирующие собой наиболее значимые для массового сознания центры политико-идеологического притяжения. В конечном итоге пятипроцентный барьер, безуспешная атака на который с обращением в Конституционный Суд была предпринята группой депутатов в самый разгар избирательной кампании, сыграл свою положительную роль. И хотя совершенно не оправдались расчеты на то, что пятипроцентная планка будет стимулировать объединение политических группировок, тем не менее, именно наличие такой планки во многом способствовало консолидации сил в рамках самого электората. Практика выборов показала, что избиратель в своем волеизъявлении зачастую ориентировался на наиболее влиятельного представителя близкого ему политического спектра, отказывая в своей поддержке более слабым.

Если сравнить результаты нынешних выборов в Государственную Думу с выборами 1993 г., то можно сказать, что мы имеем сейчас более консолидированную позицию общества с довольно четко выраженным идеологическим размежеванием. Уже нет той прежней идеологической размытости, которая обеспечила в 1993 г. успех ЛДПР, АПР и «Женщин России». Гораздо определеннее выявился основной вектор идеологического противостояния. В журналистской интерпретации он обозначен дихотомией «демократы - коммунисты». По сути же дела под демократами здесь имеются в виду сторонники прокапиталистического реформирования общества. Таким образом речь идет о принципиальном противостоянии капиталистической и коммунистической идеологических платформ. Разумеется, на данном этапе еще нет оснований считать весь нынешний электорат сторонниками возврата к социализму. Однако основная линия социального раскола просматривается в результатах выборов уже достаточно явно. При этом становится все очевиднее, что если в ближайшее время не будет найден надлежащий ответ на социальный вызов левых сил, то на президентских выборах эти социальные ожидания вполне могут приобрести социалистическую окраску.

Пока же выборы показали (и это еще один важный их итог), что основное идеологическое противостояние в обществе не приобрело свои крайние формы. Неожиданным результатом шумной и сумбурной избирательной кампании оказалась взвешенная и осторожная позиция электората, не допустившего ни лево-, ни праворадикального перекоса по стержневой линии идеологического противостояния «прокапиталистический реформизм - просоциалистический антиреформизм». В Государственной Думе оказалась представленной основная центральная часть политического

спектра с отсеченными от нее радикальными флангами как левого, так и правого толка. В непосредственной близости от пятипроцентного барьера остановились наиболее влиятельные представители леворадикальных (ампиловский блок «Коммунисты - Трудовая Россия - за Советский Союз») и праворадикальных (гайдаровский «Демократический Выбор России») политических сил.

Во многом благодаря умеренности и осторожности электората недостатки избирательного законодательства, допустившего на выборы хаотическое множество избирательных объединений и блоков, не привели к существенной деформации парламентского представительства социальных интересов. При всех претензиях, которые можно предъявить к нынешнему составу депутатского корпуса, следует признать, что его фракционная структура в целом довольно адекватно отражает реальное соотношение социально-политических сил в обществе. Хотя при этом нельзя не отметить, что представители демократического фланга в большей мере, чем их оппоненты пострадали от распыления голосов избирателей. Ведь на выборах 1995 г. уже ни одна партия, прямо и однозначно идентифицирующая себя с демократическим движением, не прошла в парламент по партийным спискам. Умеренная (центристская и левоцентристская) часть демократического фланга представлена в Думе не партиями, а движениями (НДР и «ЯБЛоко»). А противостоят им хорошо организованные партии - КПРФ и ЛДПР.

Думаю, что было бы целесообразно продумать такие коррективы в законодательство, которые устанавливали бы барьеры против неоправданного, несоответствующего реальной структуре политических ориентации электората, дробления числа участников избирательного процесса. Отправной точкой при выработке таких гарантий могло бы служить закрепление в законе более адекватной процедуры подтверждения избирателями обоснованности претензий на власть со стороны потенциальных участников избирательного процесса. Процедура, использованная на прежних выборах (сбор двухсот тысяч подписей в поддержку списков избирательных объединений и блоков), явно себя не оправдала. Очевидно, что в наших условиях единственной надежной формой верификации социально-политической значимости претендентов на власть можно считать лишь результаты самих выборов. Поэтому надо дать возможность проверить свои электоральные шансы всем общественным объединениям, готовым рискнуть собственными финансовыми средствами. А частично компенсировать электоральные расходы из государственного бюджета следует лишь тем из них, кто добьется на выборах достаточно ощутимых результатов²⁸. Каких именно - можно решить, исходя из итогов выборов в Государственную Думу, достаточно наглядно отражающих шкалу «весовых категорий» всех сколько-нибудь заметных политических сил.

Зафиксированная в результатах выборов структура политических предпочтений электората такова, что в ней, помимо четверки победителей, перешагнувших пятипроцентный барьер, четко выделяется группа лидеров второго эшелона, набравших более 2% голосов («Женщины России», «Коммунисты - Трудовая Россия», ДВР, КРО, Партия самоуправления трудящихся, АПР, «Держава», «Вперед, Россия!»). Они в совокупности являются довольно точным слепком с нынешнего политического спектра с его левым и правым радиальными флангами, с лево- и правоориентированным центром, с его национал-державной составляющей. В эту группу лидеров в основном вошли те, кто отражает признанные в обществе политические позиции и при соответствующем раскладе политической конъюнктуры способен на равных конкурировать с нынешними победителями. Важно также и то, что среди избирательных объединений и блоков, чья «весовая категория» соответствует диапазону от 1% до 2% голосов избирателей, уже нет столь же заметных политических сил. Сюда главным образом вошли «именные» блоки, не имеющие четкой политической маркировки, но персонифицируемые с известными политическими лидерами (Блок «Памфилова - Гуров - Лысенко», блок Станислава Говорухина и блок Ивана Рыбкина), а также избирательное объединение «Кедр» и блок «Союз труда», которые еще явно не

созрели для реализации своего политического потенциала. Поэтому было бы вполне естественно оказывать финансовую поддержку со стороны государства в форме частичной компенсации электоральных расходов всем избирательным объединениям и блокам, набравшим более 2% голосов избирателей, и делать это на равных основаниях, не выделяя победителей и побежденных.

Такой подход позволит в значительной мере оградить избирательный процесс от случайных участников с неадекватными политическими амбициями. Причем это не бюрократический, а демократический подход, открывающий доступ к власти широкому спектру социальных сил, исходя главным образом из степени их общественной значимости. В перспективе он направлен на стимулирование становления подлинных политических партий на основе тех общественных объединений, которые в современных условиях ощущают в себе политический потенциал и имеют общественную поддержку, необходимую для борьбы за власть.

Возможны и другие коррективы в законодательстве, направленные на введение российской многопартийности в такое правовое русло, которое в большей мере отвечало бы нынешнему состоянию общества и его потребности в формировании цивилизованной многопартийной системы. Однако надо отдавать себе отчет в том, что благоприятный момент для этого был упущен в декабре 1993 г., когда верное в принципе решение о резком усилении роли партий и движений в избирательном процессе (а следовательно, и в политической жизни в целом) не было подкреплено созданием жестких правовых барьеров против несистемных партий, не готовых к поиску компромиссов с оппонентами и не скрывающих своих антиконституционных и тоталитарных установок.

Аванс, выданный партиям перед первыми парламентскими выборами, был эффективно использован лишь коммунистами и национал-державниками. Демократы же подошли к решающим для судеб демократии в России президентским выборам, не имея ни сильной партии, ни лидера, способного объединить хотя бы сторонников демократического движения.

Действующий Президент в последнее время все заметнее дистанцируется от своих прежних союзников из демократического лагеря. Показательно, что в программных заявлениях пропрезидентского движения «Реформы - новый курс» Б. Ельцин фигурирует уже не как лидер демократического фланга, а как кандидат от сторонников реформ. Но о каких именно реформах идет при этом речь? Какой новый принцип преобразования отношений собственности лежит в основе предлагаемого «нового курса»? Ведь именно на этих вопросах сфокусировано сейчас основное социально-политическое напряжение, именно здесь столкнулись две взаимоисключающие концепции, за каждой из которых стоят крупные социально-политические силы. Отбросив детали и внешний словесный флер, можно обозначить суть этих подходов так: 1) возвращение к господству государственной собственности и 2) продолжение нынешнего курса приватизации в пользу незначительной части общества. Очевидно, что ни одна из этих позиций не сможет объединить общество с социалистическим прошлым. В этой связи хотелось бы напомнить, что в свое время Б. Ельцин пришел к власти под лозунгом «Не собственность миллионов, а миллионы собственников». Думается, что только такая идея, способная воодушевить миллионы, может лечь в основу общественного согласия в стране. И если в ближайшее время аналитики демократического движения или президентско-правительственных структур не сумеют оформить эту идею в программную концепцию своего кандидата в Президенты, то на выборах им остается надеяться лишь на традиционное российское терпение и на способность электората рационально и ответственно выбрать из двух зол меньшее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Как коммунисты собираются исправлять грехи демократов / Интервью Ю. Феофанова с зам. председателя Комитета по законодательству Государственной думы Ю. Ивановым // Известия. 1996. 15 февр.
- ² Пищулин Н. и др. Второй Съезд народных депутатов СССР: ожидания, мнения, оценки // Известия. 1990. 1 янв. Проанкетировано 3 823 человека в 14 основных регионах страны. Опрос проведен кафедрой прикладной социологии АОН при ЦК КПСС.
- ³ Бетанели Н.И., Лапаева В.В., Лукин В.П. Социологическая служба Съезда народных депутатов СССР/ Экспресс-информация «Человек Съезда»: приоритеты и ориентации. М., 1989. С. 10.
- ⁴ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990, № 42. Ст. 839.
- ⁵ Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз. (Подгот. Хозрасчетным научно-исследовательским центром Советской социологической ассоциации АН СССР. М., 1990. С. 21.)
- ⁶ Впоследствии Конституционный Суд РФ, оценивая деятельность коммунистической партии этого периода, констатировал, что «КПСС занимала в государственном механизме положение, не согласующееся с основами конституционного строя» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 11. Ст. 400. С. 673.
- ⁷ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // Социол. исслед. 1991. № 1. С. 58.
- ⁸ Попов Н., Волкова Р., Зеленченко Т. Народ руководствуется здравым смыслом // Известия. 1991. 24 апр.
- ⁹ Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов. Аналитический доклад по заказу Фонда им. Ф. Эберта. М., 1996. С. 20-21.
- ¹⁰ Социальная и социально-политическая ситуация России: анализ и прогноз (первое полугодие 1995 г.) М., 1995. С. 76.
- ¹¹ Алексиевич С. Нас так долго учили любить человека с ружьем // Известия. 1996. 29 февр.
- ¹² См., напр.: Кант И. Соч. Т. IV. Ч. 1. С. 260-290; Т. IV. Ч. 2. С. 147, 215, 240; Соловьев С. Оправдание добра. М, 1996. С. 36-37, 322-331.
- ¹³ При этом очевидно, что речь идет о фактическом равенстве, поскольку в обыденном сознании все еще явно действует советский стереотип сведения всякого равенства к уравниловке. Кстати, при желании такую подмену понятий очень удобно использовать для обоснования незначительного места идей справедливости в структуре ценностных ориентаций российского населения. ВЦИОМ, предлагая респондентам шкалу ценностей, способных объединить общество, указал одной строкой такую ценность, как «равенство, справедливость». Можно, конечно, допустить, что сами исследователи знают разницу между уравниловкой и формально-правовым равенством, однако делать такое предположение в отношении населения было бы очень большим преувеличением. Поэтому политикам праворадикальной демократической ориентации не стоит обольщаться полученными здесь данными о низком уровне приверженности людей идее подобной «справедливости» (всего 5,1%). См.: Законность и порядок – эта идея способна объединить общество // Известия. Экспертиза. 1995. 10 янв.
- ¹⁴ Массовое сознание россиян... С. 27.
- ¹⁵ Заславская Т.И. Когда заблуждается власть//Моск. новости. 1991. 31 марта.
- ¹⁶ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 45. Ст. 1537.
- ^{17,18} Реформирование России: мифы и реальность. М., 1994. С. 54.
- ¹⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. Ст. 440. Головкин А. (Аналитический центр «Известий»). Российский политический театр: без массовой нет солистов // Известия. 1996. 2 марта.
- ²¹ Массовое сознание россиян в ... С. 31.
- ²² Собр. законодательства РФ. 1993. № 41. Ст. 3907.
- ²³ Реформирование России: мифы и реальность. С. 286.
- ²⁴ Собр. актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 43. Ст. 4080.
- ²⁵ Реформирование России: мифы и реальность. С. 232.
- ²⁶ В результате значительную часть из 236 объединений, получивших право участвовать в выборах, составляли такие организации, как Ассоциация бухгалтеров или Союз пчеловодов.
- ²⁷ Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз (первое полугодие 1995 г.). М., 1995. С. 67.
- ²⁸ Закон о политических партиях ФРГ от 24 июля 1967 г. Параграфы 18, 22а. Зарубежное законодательство о политических партиях (сборник нормативных актов). М., 1993. С. 161.